

ихтиолога В. Бражникова, занимавшегося не этнографией, а совсем иными вопросами, связанными с рыболовством в конце XIX — начале XX в., звучат неубедительно. Что же касается характера собственности у нивхов на соболиные речки, то она никогда не была родовой, а переходила по наследству от отца к сыну. С прекращением пользования ею соболиную речку мог использовать любой человек, даже совершенно чужой в данной местности⁵. Но и эта форма собственности возникла у нивхов, видимо, в результате развития товарного пушного промысла.

Существуют и иные трактовки вопросов собственности (А. М. Золотарев, Е. А. Крейнович и др.), однако наличие здесь разногласий свидетельствует об их сложности. Характерно, что ни А. М. Золотарев, ни Е. А. Крейнович совершенно не используют данные фольклора (см., например, сборники нивхского фольклора Л. Я. Штернберга), а также материалы указанных выше авторов XIX в.

Совершенно уникальны материалы Е. А. Крейновича по религиозным верованиям нивхов. Как и в предыдущих разделах, он стремится проникнуть в самую глубину древних представлений этого народа, объяснить все элементы того или иного обряда. В ряде случаев автор углубляет и конкретизирует аналогичные данные Л. Я. Штернберга. Особенно большой интерес представляют разделы, посвященные культуре близнецов, утопленников, нивхов, убитых медведем. Таких людей считали существами, навсегда связанными с миром подводных и таежных обитателей, и своими родственными духами-помощниками в промыслах. На основе подобного рода представлений у них возникло множество интереснейших обрядов.

Многие элементы этих представлений и обрядов прослеживаются в религиозных верованиях тунгусоязычных соседей нивхов⁶. Можно предположить, что некоторые из них существовали в Приамурье и на Сахалине с древнейших времен.

В работе Е. А. Крейновича имеется в разных разделах много отдельных фактов, позволяющих пролить свет на до сих пор не решенные в науке вопросы, касающиеся происхождения нивхов. В этом плане представляют, на наш взгляд, интерес такие факты, как существование на Северном Сахалине топонимов, не переводимых с нивхского языка (стр. 48, 49, 65 и др.). С аналогичными явлениями мы встречались у нивхов многократно. Не менее важно и следующее заключение Е. А. Крейновича, сделанное им на основании исследования языковых материалов: основой ориентации нивхов в пространстве служат не страны света (учитываемые ими при обозначении ветров), а течения рек. «Видимо, нивхи — исконно речные обитатели и на побережье моря вышли относительно недавно» (стр. 53). Можно было бы привести и некоторые другие примеры, имеющие важное значение при решении проблем этногенеза нивхов.

Для Е. А. Крейновича характерно теплое, уважительное, сердечное отношение к маленькому народу нивхов, проявившееся и в рецензируемой работе.

Весь труд Е. А. Крейновича насыщен первоклассными этнографическими материалами, характеризующими все области нивхской культуры. Без сомнения, он станет важным источником для специалистов по истории первобытного общества, религии, а также для исследователей истории, этногенеза, культуры и быта населения Приамурья и Сахалина.

А. В. Смоляк

края, т. II, 1898, стр. 117, 118, 120, 212, 233 (данные 1850-х годов); В. В. Меркушев, Статистическое обследование инородцев Сахалинской области, Сахалин, 1913, стр. 24, 26; Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 111, 377.

⁵ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 110.

⁶ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; см. также А. В. Смоляк, О некоторых старинных традициях в современном быту ульчей, «Бронзовый и железный век Сибири», вып. IV, Новосибирск, 1974.

Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа, 1973, 431 стр.

Вышел в свет очередной, третий выпуск сборника «Ономастика Поволжья». Он содержит, как и предыдущие два выпуска, статьи по разным разделам ономастики: этнонимии, антропонимии, топонимии, космонимии, зоонимии и пр. Наиболее полно представлены в нем антропонимия и топонимия. Тематика сборника отражает особенность изучаемого региона — сложность этнического состава населения. Значительная часть исследований, помещенных в сборнике, посвящена лингвистическим проблемам. В данной рецензии основное внимание обращено на статьи, тематически близкие к этнографии и истории.

В разделе «Этнонимия», начинающем книгу, рассматриваются проблемы тюркской этнонимии Поволжья. Р. Г. Кузеев в статье «Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир» показал, что в последние десятилетия сформировались

два основных направления в использовании родо-племенной этнонимии при исследовании этнической истории народов. Цель первого, традиционного, — выяснение семантики названия того или иного народа. Р. Г. Кузеев считает, что наибольшее значение для исследований по этнической истории имеют: а) выяснение происхождения этнонимов и их последующего развития в различной языковой среде; б) установление времени и исторических обстоятельств появления этнонимов и их носителей в составе данного этноса (особенно этноязыковой характеристики поздних носителей этнонимов).

В статье рассматриваются также методические вопросы. В исследованиях, основанных на использовании массового материала, обладающего высокой степенью репрезентативности, можно применить метод историко-стратиграфического членения, который заключается в выделении этнонимических пластов. Используя этот метод, Р. Г. Кузеев выделяет в башкирской родо-племенной этнонимии сеть историко-стратиграфических пластов. На основе их изучения сделаны некоторые выводы об этногенезе башкирского народа. В частности, решающую роль в формировании башкирского народа сыграли два этапа тюркской миграции: древнебашкирский (VIII—IX вв.) и кыпчакский (XIII—XIV вв.). Окончательное формирование языка и культуры башкир связано с кыпчакским наплывом в XIII—XIV вв.

Выводы, заключающие статью, имеют как методическое, так и общеисторическое значение. Историко-этнографическое членение накопленного свода этнонимов по определенному этносу с последующим семантическим и этимологическим разбором типичных или характерных названий представляется наиболее перспективным путем исследования. В настоящее время, по мнению Р. Г. Кузеева, задача заключается в том, чтобы добиться органического сочетания историко-этнографической и лингвистической интерпретации всего корпуса тюркской и финно-угорской этнонимии.

В. В. Пименов и В. В. Федоров в статье «Удмуртские и марийские названия народов Поволжья», обратившись к опыту использования статистических методов в социальных исследованиях, пытаются ответить на вопрос — применим ли статистический метод при исследовании этнонимических данных. Программа проведенного авторами среди удмуртов и марийцев опроса предусматривала выяснение ряда факторов (пол, возраст, социальное положение, родной язык, образование, давность жительства в данном городе или селе, откуда приехал в данный город или село) с последующим выделением в них нескольких внутренних подразделений. Это помогло обнаружить среди удмуртских и марийских этнонимов традиционные и нетрадиционные. Последние удмурты и марийцы употребляют для названия соседних с ними народов. Под влиянием различных экономических и исторических причин набор этнонимов меняется. На основании своих исследований В. В. Пименов и В. В. Федоров считают возможным применение статистического метода в этнонимических исследованиях.

В следующем, антропонимическом разделе сборника разбираются проблемы тюркской и славянской антропонимии. Он начинается статьей В. А. Никонова «Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир». Автор поставил задачу выяснить движение имени тюркских народов в целом, не ограничиваясь рассмотрением отдельных имен или групп имен, как это делали до сих пор исследователи тюркоязычных народов. На основе сплошного подсчета имен всех новорожденных в татарских и башкирских этнонациональных семьях на больших территориях и сопоставления полученных данных с результатами аналогичных подсчетов по некоторым другим тюркоязычным народам (узбеки Самарканда и двух районов Самаркандской области; азербайджанцы Баку и трех районов Азербайджанской ССР)¹ В. А. Никонов делает очень интересные выводы. Так, хотя набор употребляемых личных имен у татар и башкир, как и у других тюркоязычных народов, во много раз больше, чем у русских, отмечается явная тенденция к уменьшению имени. Автор показывает значительные изменения в составе имени татар и башкир. В настоящее время в десятке самых распространенных имен (мужских и женских) у татар и башкир и в городе и в селе почти не входят имена из десятка наиболее употребительных в дореволюционное время. Проанализировав распространенность традиционных имен, а также новых заимствований из именников русских и западноевропейских, автор особо подчеркивает, что у тюркоязычных народов нашей страны идет активный процесс размежевания личных имен по форме на мужские и женские. «Механизм» этого процесса заключается в том, что реже избираются имена, не отвечающие новой норме, а некоторые привычные имена преобразуются; в имя девочки добавляются финальный гласный и отбрасывается финальный согласный. В заключение статьи говорится о необходимости вести решительную борьбу с искажениями в записи имен. В этом должны помочь справочники татарских и башкирских имен, над составлением которых работают специалисты в области антропонимии.

Г. Ф. Саттаров в статье «Отглагольные антропонимы в татарском языке» справедливо отмечает, что, хотя и в исторической и в современной татарской антропонимии отглагольные имена составляют специфический лексико-грамматический раздел, до сих пор еще нет специальных исследований, посвященных системному описанию историко-лингвистических и этнографических особенностей тюркских отглагольных антропонимов. В статье подробно освещены зафиксированные формы образования отглагольных имен, прозвищ и фамилий и убедительно доказано, что в современном татарском языке

¹ Подсчетами охвачено около 100 тыс. чел.

отглагольные личные имена распространены меньше, чем в других тюркских языках. Многие из них превратились в антропонимические архаизмы или же бытуют в большинстве случаев лишь в качестве названий населенных пунктов и старинных фамилий.

Аналізу современных татарских имен посвящена также статья И. В. Большакова «О татарских именах». Как и многие авторы рецензируемого сборника, И. В. Большаков считает, что необходимо упорядочить написание ряда татарских имен в русской транскрипции и издать более полный словарь-справочник татарских имен.

В ряде статей рассматриваются проблемы антропонимии башкир. Так, Т. М. Гарипов поместил в сборнике работу «О древних кыпчакских именах в антропонимии башкир», Т. Х. Кусимова выступила со статьей «Антропонимы в башкирских шеджере».

Н. Д. Гарипова в статье «Персидские элементы в именах башкир» отмечает, что в современном башкирском языке персидские имена деэтимологизировались, но не потеряли оттенка чужеродности; тем самым они выполняют особую эстетическую функцию. В статье отмечается, что вопрос о том, когда и какими путями проникали в башкирский язык иранизмы, до сих пор не разрешен.

В статье З. Г. Уракина «Башкирские антропонимы из этнонимов» показано функционирование родовых названий в качестве личных имен.

Ф. Ф. Илимбетов выступил в сборнике с интересной статьей «Личные имена как источник при изучении древних верований башкир», в которой рассмотрены башкирские имена, образованные от слов «волк», «собака», «медведь». Этнографические материалы, по мнению автора, свидетельствуют о том, что предкам башкир были известны тотемические культы волка, собаки, медведя. Можно также предположить, что первоначально определенная группа башкир имела какой-то один тотемический культ. Однако современное состояние источников не позволяет выявить их районирование.

Ряд статей рассматривает вопросы славянской антропонимии Поволжья. Некоторые из них посвящены взаимодействию русской и иноязычной антропонимии. К таким исследованиям относится работа Р. Х. Субаевой «Особенности бытования календарных русских имен у татар-кряшен». Автор анализирует фактический материал, охватывающий большой хронологический период, начиная с христианизации народов Поволжья. Аналогичные процессы, но относящиеся уже к современности, показаны в статье Ф. М. Куприяновой «Выбор имен в национально-смешанных семьях». Исчерпать эту проблему пока еще трудно из-за отсутствия массового сопоставимого материала, относящегося и к современности, и к прошлому.

В рецензируемом сборнике вопрос о происхождении ряда наименований и их исторических корнях разбирается в статье Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения».

В статьях, помещенных в антропонимическом разделе, наиболее полно разбирается состав имен. Особо следует отметить статью В. Д. Бондарева «Женские личные имена в конце XIX в.». Поставленная проблема решается в ней на материалах г. Пензы. Однако это исследование имеет не только локальный интерес; оно в какой-то мере отражает закономерности, характерные для общерусской антропонимии. Заслуживает внимания метод, которым пользовался автор; количественные характеристики дополняются качественным анализом именников. Это дает возможность проследить особенности именника, его изменения и функционирование. Назрела необходимость в проведении аналогичных работ по другим городам для получения сопоставимых данных. Их отсутствие чувствуется уже в ряде статей рецензируемого сборника. Так, во второй статье И. В. Большакова «Из практики выбора личных имен в русских семьях Казани» прослежены современные антропонимические процессы по материалам ЗАГСа (пополнение состава именника, степень употребляемости имен и др.). Однако автор отмечает, что недостаточность материалов, а также отсутствие аналогичных данных по другим городам не позволили выявить главное — причины, влияющие на изменение состава личных имен.

Одним из направлений антропонимии является изучение фамилий и отчеств. В частности, изучению неофициальных фамилий посвящена статья Т. А. Исаевой «Морфемные типы и география неофициальных фамилий в Горьковской области», особенно ценная для этнографов — специалистов по данному региону. Автор рассматривает бытование неофициальных фамилий в ряде сельских местностей, где это явление носит традиционный характер. Особое внимание обращается на патронимические функции таких антропонимов, по большей части наследственных. Очень ценно, что начата работа по картографированию этого материала; это поможет выявить ареалы и степень распространения неофициальных фамилий в прошлом и настоящем.

Не меньший интерес представляет статья Г. Я. Симиной «История отчеств», в которой на материалах Пинежья прослежено появление и постепенное оформление отчеств в русской крестьянской среде. Кроме того, отмечено бытование на Пинеге двух антропонимических систем: официальной (с трехчленным сочетанием имя+отчество+фамилия) и древней традиционной, когда отчество определяло человека не по отцу, а по хозяину двора (женщину по мужу, по свекру, детей по матери, стоящей во главе двора). Автор не только прослеживает судьбу этой традиции, но и подчеркивает социальную функцию отчеств в тех или иных условиях.

Статьи по топонимике тематически чрезвычайно разнообразны. Они посвящены этимологии отдельных топонимов и топонимии региона, хронологии топонимических

пластов, форме и степени взаимодействия языков в сфере наименований, особенностям топонимического словообразования и другим вопросам.

Особенно много в сборнике статей, рассматривающих топонимию отдельных регионов. Их авторы используют различную методику. Так, Г. П. Смолицкой в статье «Субстратная гидронимия бассейна реки Оки» удалось с помощью приемов картографирования показать ареалы гидронимов Поочья, отметить изолированность одних ареалов и найти аналогии для других, в частности, на территории Русского Севера. К сожалению, она ограничилась лишь описанием ареалов, не ставя задачу изучить их происхождение и историческую судьбу.

Е. В. Ухмылина в статье «Параллельные названия населенных пунктов Горьковской области» показала, как и когда употребляются те или иные варианты топонимов, проследила их распространение, закономерности размещения и т. д. Е. В. Ухмылина справедливо отмечает социальную значимость того или иного вида топонимов. Однако их происхождение не всегда верно объясняется с исторической точки зрения. Особенно это касается топонимов, отражающих тип поселения (починок, деревня, заимка, хутор и т. п.). Определение стадиальности, времени появления таких селений и их названий не всегда хронологически выдержано.

В статье Т. А. Исаевой «Топонимия Нижнего Новгорода — г. Горького» городская топонимия рассматривается в историческом плане. При этом выделяется несколько стадий ее развития. Общность топонимических явлений Т. А. Исаева объясняет одинаковыми социально-экономическими условиями развития этих городов. Однако, выявляя стадии в развитии городской топонимии, Т. А. Исаева не всегда строго выдерживает хронологический принцип. Так, необходимо более точно определить соотношение во времени топонимов, отражающих местоположение, занятия населения, а также топонимов, образовавшихся от антропонимов.

Более строго подходит к определению хронологии топонимических пластов В. А. Кучкин в статье «Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на -иха». Автор вносит уточнения в выводы ряда ученых, выявлявших топонимические ареалы в Среднем Поволжье и исследовавших происхождение этих ареалов в связи с историей заселения района. Однако он обосновывает свои выводы, ссылаясь на топонимические данные по довольно ограниченной территории — всего одной волости Балахнинского уезда. Чтобы доказать существование аналогичных явлений на обширной территории всего Среднего Поволжья, нужны более представительные данные.

Из статей, посвященных этимологии отдельных регионов, можно отметить работу И. Г. Добродомова «Происхождение названия Астрахань», в которой автор успешно сочетает этимологический анализ всех известных форм топонима с историко-филологическим анализом. Рассматривая статьи топонимического раздела сборника, можно заключить, что только комплексное освещение проблем приводит к наиболее точному и полному пониманию топонимических явлений.

Рецензируемый сборник свидетельствует о том, что изучение ономастики Поволжья продолжается успешно. Опыт поволжских ономастических конференций и публикация сборников могут быть полезны специалистам в этой области, изучающим другие регионы нашей страны, а также этнографам, лингвистам, историкам.

И. В. Власова, Ж. Б. Логашова

НОВЫЕ РАБОТЫ ТАДЖИКСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ [1969—1973 гг.]

В 1967 г. мы уже писали о тех больших успехах, которых достигли таджикские фольклористы, и в частности отдел фольклора Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР¹. С тех пор сотрудниками отдела и другими фольклористами проделана громадная работа по накоплению, систематизации и изучению фольклора.

Завершена многолетняя работа (руководители И. Г. Левин и Р. Амонов) по систематизации всех хранящихся в отделе фольклорных записей. Создан каталог. Коллекция таджикского фольклора в отделе насчитывает свыше 100 тыс. единиц хранения. В настоящее время готовится к изданию несколько томов «Свода» таджикского фольклора различных жанров, разработанного по четкой схеме с учетом жанров, тематики, места и времени записи, сведений о сказителях и информаторах.

Работа над каталогом таджикского фольклора помогла многим молодым специалистам подготовить и защитить ряд диссертаций, причем таджикских фольклористов увлекла новая методика и, в частности, количественный анализ фоль-

¹ А. З. Розенфельд, Обзор новых изданий по таджикскому фольклору, «Сов. этнография», 1967, № 4.